

Редьярд Киплинг

Посчастливилось

Редьярд Киплинг

В горной Индии (сборник)

*Часть сборника
В горной Индии (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг Посчастливилось

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648304

Аннотация

«Если вы выйдете за линию официальных приёмов, официальных ведомостей о производствах и официальных балов – за линию всех и всего, в кругу чего вы вращались в своей почтённой жизни – вы, в своё время, переступите пограничную черту, где исчезает последняя капля белой крови и широким потоком вступает в свои права чёрная. Легче разговаривать с новоиспечённой герцогиней, ещё находящейся под впечатлением торжественной минуты, чем с пограничным жителем: того и гляди, чем-нибудь нарушишь обычай или обидишь...»

Редьярд Киплинг

Посчастливилось

* * *

Если вы выйдете за линию официальных приёмов, официальных ведомостей о производствах и официальных балов – за линию всех и всего, в кругу чего вы вращались в своей почтённой жизни – вы, в своё время, переступите пограничную черту, где исчезает последняя капля белой крови и широким потоком вступает в свои права чёрная. Легче разговаривать с новоиспечённой герцогиней, ещё находящейся под впечатлением торжественной минуты, чем с пограничным жителем: того и гляди, чем-нибудь нарушишь обычай или обидишь. Чёрные и белые постоянно сталкиваются в своей деятельности, причём иногда белые обнаруживают какое-то безграничное детское тщеславие – извращённое чувство национальной гордости, – а иногда вспышки происходят среди чёрных, сохраняющих, при доведённых до крайности уничижении и покорности, свои полуязыческие обычаи и непонятную стихийную склонность к преступлению.

Мисс Вецдис приехала из-за пограничной черты, чтобы присматривать за детьми одной леди, пока не прибудет настоящая нянька. Леди говорила, что мисс Вецдис была пло-

хая, грязная, нерадивая нянька. Леди никогда не приходило в голову, что у мисс Веццис могла быть собственная личная жизнь и дела, над которыми надо было подумать, и что эти дела для мисс Веццис были важнее всего на свете. Весьма немногие хозяйки способны на подобные рассуждения. Мисс Веццис была черна, как сапог, и, по нашим понятиям, безобразна. Она ходила в ситцевых юбках и стоптанных башмаках и, теряя терпение с детьми, ругала их на языке пограничной черты, составляющем смесь английского, португальского и туземного. Она не была привлекательна, но имела чувство собственного достоинства и предпочитала, чтобы её звали «мисс Веццис».

Каждое воскресенье она разряжалась в пух и прах и ходила в гости к мамаше, которая проводила большую часть своей жизни на старом бамбуковом стуле в засаленном капоте из полупрозрачной местной шёлковой материи, в кроличьей норе – доме, кишевшем Периерами, Рибьерами, Лисбоасами, Гонзальвесами и целым населением тряпичников. Вся вонючая каморка, увешанная юбками на шнурках, была завалена объедками купленной на рынке провизии, чесноком, грудями старья по углам, старыми бутылками, оловянными распятиями, фетишами, гипсовыми изображениями Пресвятой Девы и шляпами без донышек.

Мисс Веццис каждую неделю препиралась с мамашей из-за процента, который должна была давать ей на хозяйство. Когда препирательства кончались, за низким забором, сло-

женным из грязи, показывался Михеле д'Крез и любезничал с мисс Веццис, и, по обычаю пограничников, очень церемонно. Михеле был худой, болезненный бедняк, тоже совершенно чёрный, но и у него было много собственного достоинства. Он ни за что не допустил бы, чтобы его увидели курящим хука, и смотрел на туземцев сверху вниз, как человек, у которого в жилах только семь девятых туземной крови. И семья Веццис тоже имела, чем гордиться. Она вела своё происхождение от мифического укладчика рельсов, работавшего на Сонском мосту, когда железные дороги были ещё новостью в Индии, и Веццис ценила своё английское происхождение. Михеле был телеграфист, получавший 35 рупий в месяц. И его пребывание на государственной службе заставляло мисс Веццис смотреть снисходительно на немногочисленность его предков.

Существовала примирительная легенда – Дон Ана, портной, принёс её из Пупани, – что чёрный еврей из Кохина как-то женился на одной из дочерей семьи Д'Крез, а с другой стороны, не было ни для кого тайной, что один из дядей мисс д'Крез и в настоящее время служил поваром в одном из клубов Южной Индии. Он посылал м-с д'Крез по семь рупий ежемесячно, но она тем не менее глубоко чувствовала, как это унижительно для её семьи.

Через несколько воскресений м-с Веццис, наконец, решилась закрыть глаза на все недостатки и дала своё согласие на замужество своей дочери с Михеле при условии, чтобы

у него было не меньше пятидесяти рупий в месяц для начала семейной жизни. Вероятно, такая изумительная предусмотрительность была наследством, перешедшим в её кровь от мифического укладчика рельсов, потому что представители пограничного населения считали для себя роскошью женитьбу, когда вздумается, а не когда можно.

Принимая во внимание существовавшие в ведомстве порядки, ставить такое условие бедному телеграфисту было все равно, что потребовать от него, чтобы он руками поймал луну. Но Михеле любил мисс Веццис, и это помогло ему ждать. Он сопровождал мисс Веццис к обеду по воскресеньям, а после обедни, идя по раскалённым пыльным улицам домой, клялся различными святыми, имена которых не интересны для вас, никогда не забыть мисс Веццис; а она, со своей стороны, клялась честью и святыми – клятва начинается словами и оканчивается тремя поцелуями: в лоб, левую щеку и губы – что она тоже никогда не изменит Михеле.

На следующей неделе Михеле перевели, и мисс Веццис оросила слезами подоконник вагона, в котором её жених уезжал со станции.

Взглянув на карту телеграфного сообщения в Индии, вы увидите длинную телеграфную линию, тянущуюся вдоль берега от Бекергенджа до Мадраса.

Михеле назначили в Тибасу, маленькую второстепенную станцию, приблизительно на второй трети этой линии к югу. Отсюда он отправлял телеграммы между Бергампуром и Чи-

волокой, а сам думал о мисс Веццис и изобретал способы, как бы заработать до пятидесяти рупий в часы, свободные от службы. До него доносился шум Бенгальского залива, и единственным товарищем его был бенгалец – бабу. Михеле посылал мисс Веццис сумасшедшие письма, с крестами, нарисованными внутри конверта.

Когда Михеле прожил в Тибасу около трех недель, произошёл случай, который оказался для него счастливым.

Не надо забывать, что если туземец не имеет беспрестанно перед глазами знаков нашего могущества, то он, как ребёнок, не способен понять, что значит власть и какую опасность влечёт за собой неповиновение ей. Тибасу – это маленькое захолустное местечко, все население которого состоит из многочисленных магометан племени орисса. Давно не видев сахиба – сборщика податей и относясь с полным презрением к помощнику судьи, индусу, они решили устроить маленький мятеж на свой страх и риск. Сначала индусы возмутились и разбили несколько голов, но затем, найдя, что жить без закона куда приятнее, присоединились к магометанам и устроили бесцельное восстание, ради того только, чтоб посмотреть, до чего можно дойти. Они грабили друг у друга лавки и обычными способами выражали взаимную ненависть. Вышел отвратительный погром, однако не из таких, о которых пишут в газетах.

Михеле работал в телеграфной конторе, когда до него донёсся шум, который человек, услышав раз, уже не забудет

в своей жизни – крики «а-ва!» расшвырявшей толпы. Когда этот звук спускается тона на три и превращается в глухое, низкое до, то человеку лучше, если он один, убираться подобру-поздорову. Старший полицейский из туземцев вбежал и сказал Михеле, что в городе мятеж и толпа бежит к телеграфной конторе, чтобы разгромить её. Бабу надел фуражку и преспокойно выпрыгнул из окна, между тем как полицейский инспектор, испуганный, но, повинувшись инстинкту, свидетельствующему о капле белой крови в его жилах, спросил:

– Какие будут указания, сахиб?

Обращение «сахиб» пробудило решимость Михеле. Несмотря на смертельный страх, он сознавал, что в настоящую минуту он, в числе предков которого находился кохинский еврей и дядя которого был поваром, – единственный представитель английского правительства здесь. Потом он подумал о мисс Веццис, о пятидесяти рупиях и решил взять на себя роль распорядителя. В Тибасу находилось семь туземных полицейских, у которых было четыре грязных гладкоствольных ружья. Все полицейские посерели от страха, однако подчинились команде. Михеле оставил ключ аппарата и вышел во главе своей армии навстречу толпе.

Когда ревушая шайка обогнула угол, Михеле отдал приказ выстрелить, и стоявшие позади него полицейские инстинктивно спустили курки.

Вся толпа – чернь самой чёрной кости – с криком броси-

лась бежать, оставив на месте одного убитого и одного смертельно раненного. С Михеле пот катился от страха, но он скрыл свою слабость и отправился прямо в город, мимо дома, где забаррикадировался помощник судьи. Улицы были пусты.

Михеле вернулся в телеграфную контору и отправил депешу в Чикаколу, прося подкрепления. Не успел он ещё получить ответ, как к нему явилась делегация из старшин Тибасу, от помощника судьи, который находил его поведение «неконституционным» и старался придраться к нему. Но в груди Михеле билось великодушное сердце белого человека, полное любви к мисс Вещис, бонне, и в первый раз отведавшее ответственности и успеха. Эти две причины составляют опьяняющий напиток и погубили, пожалуй, народа больше, чем виски. Михеле сказал, что помощник судьи может рассуждать, как ему угодно, но что до прибытия подкрепления телеграфист представляет собой индостанское начальство в Тибасу, а старшины будут ответственны за дальнейшие буйства... Они склонили головы и сказали: «Будь милосерден!» или что-то в этом роде и ушли в страхе, обвиняя друг друга в начале погрома.

Рано на заре, проходив со своими семьёю полисменами всю ночь патрулём по улицам города, Михеле выслал на дорогу людей встретить помощника податного, явившегося укрощать Тибасу. Но в присутствии этого молодого господина Михеле почувствовал, как он все больше и больше возвра-

щался в своё первобытное состояние туземца. Рассказ, доведённый с большим усилием до конца, окончился истерическим потоком слез, вызванных сознанием, что он, Михеле, убил человека и что он не может уже испытывать подъёма духа, как в течение ночи, и досадой, что язык его не в состоянии выражать его подвигов. Белая капля иссякла в жилах Михеле, хотя он и не сознавал этого.

Но англичанин понял и, проучив тибасских мятежников, написал письмо, в котором описал поведение телеграфиста. Письмо дошло, куда ему следовало, и имело последствием перевод Михеле на другую государственную должность с жалованьем в шестьдесят шесть рупий в месяц.

Таким образом, свадьба мисс Веццис и Михеле состоялась с большой помпой и церемониями, и теперь уже несколько молодых Михеле бегают по верандам центральной телеграфной конторы.

Но если бы весь бюджет министерства, в котором служил Михеле, был назначен наградой, то и тогда он не был бы способен во второй раз проделать то, что он сделал однажды из-за любви к мисс Веццис, бонне.

Это служит доказательством того, что, если человек делает что-нибудь совершенно несоотнесимое с получаемым им жалованьем, в семи случаях из девяти надо искать за такой добродетелью женщину.

В двух же исключениях причиной, вероятно, бывает солнечный удар.